

В.Ф. ШАПОВАЛОВ

ОТКУДА ПРИДЕТ «ДУХ КАПИТАЛИЗМА»? (О ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ РАЦИОНАЛЬНЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

ШАПОВАЛОВ Виктор Федорович — доктор философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова. Наш постоянный автор.

Выражение, взятое в кавычки, принадлежит, как известно, одному из выдающихся мыслителей XIX — начала XX веков немецкому социологу Макс Веберу (1864—1920). Его фундаментальная работа «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), давно считающаяся классической на Западе, стала широко доступной нашей общественности относительно недавно [1]. М. Вебер в своем труде утверждает и доказывает: обществу, чтобы стать капиталистическим, нужно иметь особый тип сознания, людей с особым складом мысли и поведения, с особым типом ценностей. Это необходимая предпосылка. Там, где такой предпосылки нет, — капитализма не будет. Конечно, мы здесь по необходимости огрубляем его мысль. Но важно другое. Если эта мысль верна, то, приступив к «строительству» капитализма, мы, конечно, должны проверить наличие всех его предпосылок, в том числе и его «духа». В очень краткой форме попытаемся это сделать.

Сущность «духа капитализма»

Сегодняшние обсуждения проблем рыночных отношений нередко сходятся на пессимистической констатации того, что по меньшей мере в ближайшие годы нас ждет капитализм, к сожалению, не цивилизованный, а варварский. С этим трудно спорить. Стоило бы только сделать некоторые уточнения. В самом деле, собственность, рыночные отношения, обмен, купля и продажа, кредит — это и многое другое из того, с чем мы нередко ассоциируем исключительно капитализм, в действительности гораздо более давние спутники человечества. Они существовали в Вавилоне, Древней Греции, Индии. Уже в далекой древности люди, как правило, вели хозяйство так, чтобы прибыль превышала затраты, а сделка приносила доход. Торговая сделка, серии торговых сделок, наконец, крупные торговые предприятия, — все это существовало уже на заре человечества, в древних цивилизациях. Предприниматели, спекулянты, капиталистические авантюристы, т.е. те, кто искал не гарантированную удачу в денежных операциях, — также широко распространенное явление. Там же, где существовало мощное государство, например, в Древнем Риме, появились заимодавец, банкир, кредитор. Не стоит более продолжать. Ясно, что отождествлять названные явления, т.е. всякий свободный рынок, с рациональным рыночным хозяйством современного типа можно, только оставаясь в плену устаревших представлений.

Поэтому, отвлекаясь от побочных обстоятельств, выделим тот тип рыночных отношений, который соответствует их развитой форме и адекватен индустриальному производству, характеризующемуся рациональностью и высокой (по сравнению с предшествующими) эффективностью хозяйства. Этот тип складывается в Западной Европе и Северной Америке, начиная с XVII—XVIII веков. Его-то по всем канонам только и следует называть рациональным («цивилизованным») рынком и, если мы всерьез стремимся войти в ряды цивилизованных стран, то в качестве образца должны принять именно его. Мы должны осознать, что установка на простое «купи-продай» — это еще не рациональное рыночное хозяйство; что рациональное рыночное хозяйство—

это нечто гораздо более сложное и трудное. Оно, в частности требует особого «духа», о котором и пишет Макс Вебер.

Для уяснения последнего вслед за Вебером воспользуемся одним из документов этого духа. Таким классическим документом являются «Советы молодому бизнесмену» (1748) известного идеолога североамериканского капитализма Бенджамина Франклина. Целесообразно привести из этого документа ряд его тезисов, тем более, что нам до сих пор известно о нем немного, а ведь знаменитое: «время — деньги» взято именно оттуда. Итак:

«Помни, что время — деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет и лентяйничает дома, должен — если он расходует на себя всего только шесть пенсов — учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов.

Помни, что **кредит — деньги** (здесь и далее выделено мною. — *В.Ш.*). Тот, кто оставляет у меня еще на некоторое время свои деньги, после того как я должен был вернуть их ему, дарит мне проценты или столько, сколько я могу выручить с их помощью за это время...

Помни, что деньги **по природе своей плодородны и способны порождать новые деньги**. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее...

Помни пословицу: тому, кто точно платит, открыт кошелек других. Человек, рассчитывающийся точно к установленному сроку, всегда может занять у своих друзей деньги, которые им в данный момент не нужны...

Наряду с прилежанием и умеренностью ничто так не помогает молодому человеку **завоевать себе положение в обществе**, как пунктуальность и справедливость во всех делах...

...Аккуратность показывает, что ты помнишь о своих долгах, то есть что ты не только пунктуальный, но и **честный человек**, а это увеличивает твой кредит.

...Веди точный счет своим расходам и доходам. Если ты дашь себе труд обращать внимание на все мелочи, то это будет иметь следующий хороший результат: ты установишь, сколь ничтожные издержки вырастают в огромные суммы, и обнаружишь, что можно было бы сберечь в прошлом и что можно будет сберечь в будущем...»

Так проповедовал идеолог американского капитализма. В его проповеди легко обнаруживаются черты «американского образа жизни», многократно заклеименного и избличенного. Этот символ веры янки, воплощенный в жизнь, осмеян немалым числом сатириков самого разного толка. «Философия скупости», «культ наживы и потребительства», «отрыв от естественной, природной жизни», «корысть и стяжательство», — эти и подобные эпитеты, по мысли их авторов, избличали тлетворность капиталистического духа, согласно которому человек якобы низведен до простого средства добывания денег. Европейцы, посещавшие Америку, нередко покидали ее, угнетенные духовно-психологическим климатом и убежденные в том, что здесь живут в соответствии с ужасающей своей античеловечностью формулой: «Из скота добывают сало, из людей — деньги». Вспомним хотя бы М. Горького, клеймившего буржуазную мораль «города желтого дьявола».

Проповедь Б. Франклина действительно выражает **не просто свод правил** житейского поведения. В ней излагается определенная **этическая система**. Правила поведения отличаются тем, что им можно следовать или не следовать, но последний случай не рассматривается как нарушение морального долга, отклонение от смысловых ориентаций. Этическая же система предлагает индивиду обоснование смысла жизни. Это обоснование выступает в качестве этической нормы, регулирующей весь уклад жизни, отклонение от которой рассматривается не только как глупость или оплошность, но и как нарушение долга. Именно как моральная (этическая) система проповедь Франклина может быть рассмотрена в качестве выражения духа капитализма. Правда, на первый взгляд может показаться, что,

например, пунктуальность, честность, скромность выступают у Франклина только в служебной роли, т.е. берутся с точки зрения их полезности. Добродетелями они являются как бы только вследствие их полезности. Но если бы это было так, то и **видимость** честности, скромности и т.д. ценились бы столь же высоко — ведь главное, чтобы был достигнут эффект полезности. Но суть именно в том, что Франклин ругает не за видимость добродетели, а за добродетель как таковую. Именно поэтому перед нами моральная система, а не обычные житейские правила.

Центром этой системы, ее ядром является идея, знаменующая собой своеобразный коперниканский переворот по отношению к предшествующей «докапиталистической» этике: «теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни» [2]. Все гедонистические и эвдемонические моменты отменяются. Нажива становится самоцелью. Употребив слово «нажива», обратим внимание на то, что в результате длительных идеологических мутаций это слово в нашем языке стало чем-то вроде ругательства. Но ведь происходит оно от «наживать» и изначально не содержит в себе ничего отвращающего. Утверждение, что нажива становится самоцелью означает не что иное как то, что человек теперь ориентирован не на жизненные наслаждения, не на потребительство, комфорт и т.д. Он целиком и полностью ориентирован на приобретательство и накопительство. Подчиняя им свою жизнь, он неминуемо должен быть... аскетом.

С точки зрения восприятия, не затронутого духом капитализма — в том числе нашего, — такой переворот выглядит бессмысленным и нелепым. Но следует тем не менее настойчиво подчеркнуть, что он является необходимым лейтмотивом рационального рынка, важнейшей составляющей его духа: жить ради того, чтобы накапливать, **отказывая себе во всем**, экономя каждую минуту, рассчитывая каждый шаг. Какой же смысл в такой жизни? Очевидно, что ответ может быть только один. Отказываясь от жизненных наслаждений, лежащих за пределами бизнеса или выступающих его результатом, человек находит удовлетворение по преимуществу непосредственно в бизнесе. Интерес теперь для него представляет прежде всего сам бизнес, **само** дело, успешность которого лишь внешне определяется количеством приобретенных материальных благ.

Главным качеством личности становится то, о котором, по свидетельству Франклина, он постоянно слышал от своего отца, старого кальвиниста: «Видел ли ты человека, проворного **в своем деле?** Он будет стоять перед царями». Проворность, а иначе — деловитость человека, следующего своему призванию, т.е. избранному делу, бизнесу; приобретение денег — при условии, что он достигается законным путем, — вот что составляет альфу и омегу морали Франклина. Понимаемая таким образом, она логически ведет к тому, что на первое место выдвигается требование **профессионализма**.

Исполнение профессионального долга и одновременно получение удовлетворенности от своего профессионализма, критерием которого могут служить материальное благополучие и уважение общества, наполняют жизнь особым смыслом. Для такой жизни главным становится систематическое и рациональное стремление к получению законной прибыли в рамках своей профессии. Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым, — не говоря уже о наслаждении богатством, бездействии и плотских утех. Погоня за деньгами как самоцель прямо вытекает из требований успешного ведения капиталистического хозяйства. В самом деле, вполне очевидно, что для того, чтобы вести дело, надо иметь волю к тому, чтобы не тратить весь доход на личное или семейное потребление, а непрестанно вкладывать деньги в будущее, в расширение производства, ориентироваться на перспективу.

Таким образом, дух капитализма **коренным образом отличается от алчности**, которая была и видимо будет присуща людям во все времена. Беззастенчивое

добывание денег — такое добывание, которое не знает никаких моральных ограничений, — не имеет ничего общего с духом капитализма. Отнюдь не те люди, которые питают непреодолимую «к злату проклятую страсть» и готовы ради прибыли служить самому дьяволу, составляли и составляют до сего дня опору рационального рыночного хозяйства. Безудержное, свободное от каких бы то ни было норм приобретательство существовало на протяжении всей человеческой истории: для рационального рынка же нужен особый дух. Так по крайней мере думал М. Вебер, ходу рассуждений которого мы следовали в предыдущем изложении.

Вполне очевидно, что коперниканский переворот, произведенный капиталистическим духом, не столь легко укладывается в рамки нашего сознания. Это вполне понятно и объяснимо. Однако заметим, что работа Вебера вышла в 1905 г. Поэтому новостью эти идеи являются только для нас. А если уж рыночные отношения становятся и нашей судьбой, то стоит, видимо, повнимательнее отнестись к существующим исследованиям и их результатам. Даже самые поверхностные наблюдения за первыми шагами рынка у нас говорят о почти полном отсутствии духа капитализма как его понимал М. Вебер, т.е. духа аскетического рационализма. За него ошибочно принимается нечто прямо противоположное. Возникнет ли он у нас? Каковы возможные источники его возникновения?

Чтобы поставить эти вопросы придется, во-первых, отрешиться от того взгляда, что соответствующий дух возникает как автоматическое следствие рыночных экономических отношений. Конечно, когда последние уже сложились, приобрели развитую форму, заняли в обществе доминирующее положение, через их посредство общество пропитывается соответствующим духом. Он здесь во всех порых общественного организма. Современному американцу незачем обращаться к трудам Б. Франклина или кого-либо еще, незачем специально знакомиться с моральными заповедями: с самого детства, а затем с момента включения в деловую жизнь дух капитализма охватывает его буквально со всех сторон; без соблюдения требований этого духа перспективы серьезной карьеры обречены на неудачу. Иное дело — начальная фаза складывания капиталистических отношений. В этом случае дух аскетического рационализма должен быть предзадан, наличествовать хотя бы в виде некоторых зачатков. Он должен существовать в виде умонастроения определенных групп людей — пусть не очень многочисленных.

Второй важный для постановки вопросов момент состоит в том, что описываемый нами дух принципиально не может быть насажден одной только пропагандой. Возможности пропаганды или шире — культуртреггерства здесь ограничены (хотя и не следует отказываться от такой пропаганды — если бы наши средства массовой информации были бы к ней способны). Говоря более точно, культурная работа по распространению и внедрению в массовое сознание духа аскетического рационализма может быть успешной лишь при соблюдении одного условия. Только в сочетании с ним она может быть эффективной. М. Вебер связывает это условие с наличием замкнутых групп людей — религиозных, по преимуществу, протестантских сект. Однако прежде чем перейти к этому аспекту, привлечем внимание читателя к одному обстоятельству.

Сегодня все более очевидно, что в тех структурах, которые по своему формальному статусу являются новыми, сохраняются в целом старые порядки, старые отношения, прежний дух. Происходит обычный перенос старого в то, что формально является новым. Не секрет, что в новых фирмах, кооперативах, коммерческих структурах наблюдаются бюрократизация, уравниловка, грубость и хамство, процветают отношения по принципу личной преданности, а не деловых качеств. При отсутствии партийной и иных организаций, бывших ранее источником склок и взаимных подозрений (хотя нередко и сдерживавших резкие формы их проявлений), здесь бушуют страсти гораздо большего размаха, чем это было некогда на государственных предприятиях и в учреждениях. В этих условиях не приходится, конечно, и говорить о достижении сколько-нибудь значимого положительного общественного эффекта.

Необычайная живучесть старого духа говорит о том, что сами по себе структурные изменения, изменения экономических отношений недостаточны для того чтобы перейти к новому обществу. Дух аскетического рационализма утверждается посредством борьбы с неисчислимым сонмом своих противников, которые представляют собой докапиталистический дух. В наших условиях можно выделить особую его разновидность — псевдокапиталистический дух.

Одна из черт псевдокапиталистического духа состоит в стремлении сохранить при максимуме удобств и минимуме напряжения свой обычный образ жизни, допуская изменения последнего лишь в очень ограниченных пределах. Носитель псевдокапиталистического духа не склонен стремиться зарабатывать как можно больше денег, чтобы пустить их на расширение дела. Он хочет просто жить, наслаждаясь жизнью. Он, конечно, не будет отказываться от дармового прироста (хотя и это не исключено, как проявление своеобразной горделивости), но никогда не настроен на резкую интенсификацию усилий ради многократного увеличения доходов. Скажем, если рабочего с псевдокапиталистическим духом пытаться стимулировать посредством повышения расценок, то такая стимуляция, скорее всего, даст обратный эффект. Он будет трудиться ровно столько, сколько потребно, чтобы сохранить то, что имел. В странах, относительно отсталых, с капиталистической точки зрения (например, государства Латинской Америки, Восточной Европы, или скажем, Турция), такого рода примеров огромное множество.

Псевдокапиталистический дух связан с почти полным отсутствием способности и желания отказаться от привычных методов работы, заменить их более целесообразными и эффективными, приспособиться к прогрессивным формам организации труда и даже всерьез задуматься относительно какого-либо предмета. Характерно, что всякие попытки разъяснить, как сделать работу более выгодной, более легкой наталкиваются на непонимание. Псевдокапиталистический дух может сохраняться на предприятиях, которые, казалось бы, по самой своей природе не могут не быть рационально-рыночными, например, в банках, в оптовой и розничной торговле. То, что мы имеем здесь на сегодня, так же далеко от духа аскетического рационализма, как далеко от него дух базарного спекулянта и продавщицы государственного магазина.

Чтобы в очередной раз не стать жертвами собственной наивности, наберемся мужества посмотреть на происходящее с предельной трезвостью. Насколько оправданы надежды на то, что, например, приватизация торговли и свободные цены суть необходимые и достаточные условия рационально-рыночных отношений в этой сфере? Чтобы ответить на этот вопрос вспомним о том, чего мы совершенно справедливо ждем от рыночных отношений. Нам представляется, что отличив от государственно-командной системы частник-продавец будет работать на интересы потребителя, обхаживать покупателя, будет вежлив, любезен и т.д. и т.п. Но почему это будет именно так? Кажется, что наличие множества торговых предприятий неизбежно создаст конкуренцию между ними в борьбе за покупателя. Но основательна ли наша уверенность в неизбежности конкуренции? Почему ряд однопрофильных торговых предприятий не могут сосуществовать мирно, не вступая в конкурентную борьбу и не осложняя себе жизнь излишней заботой о покупателе? Такой вариант вполне возможен и даже неизбежен, если частники-предприниматели проникнуты не капиталистическим, а псевдокапиталистическим духом. Их вполне устроит тот уровень дохода, который и сейчас, и в будущем обеспечит вполне сносный (по сравнению с уровнем значительной части населения) уровень существования. Что же касается покупателя, то можно, как и ранее идти по пути наименьшего сопротивления, т.е. не ухаживать за ним, а наоборот, держать в «черном теле»: собственно, зачем утруждать себя излишними хлопотами?

Такие хлопоты возьмет на себя только тот, кто озабочен постоянным и бесконечным расширением дела, для кого само дело с его неустанными заботами стало необходимым условием существования. Посредством нововведения он взорвет рутину довольствующихся средними доходами, стремясь превратить рынок продавца в рынок

покупателя [3]. Он будет готов вынести возмущение, даже ненависть со стороны удовлетворяющихся наличным положением, ибо его не прельщает скука благополучия. Духу рационального рынка соответствует ориентация на созидание, в то время как псевдокапиталистическому — на перераспределение наличного.

Строю рационального рынка необходимы преданность делу, служение своему призванию, сущность которого заключается в добывании денег посредством достижения максимума в своей профессии. Рациональному капиталистическому предпринимателю чужды показная роскошь и расточительство, упоение властью, нарочитая демонстрация того уважения, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни свойственна определенная аскетическая направленность, а в характере преобладают сдержанность и скромность [4]. Все эти черты не возникают только как прямое следствие рыночных отношений. Помимо них, особенно на начальном этапе, должны иметься и иные источники возникновения.

Религиозно-культурные источники возникновения духа капитализма

Процессы возникновения капитализма с соответствующим духом в Западной Европе и Северной Америке, относящиеся к XVII—XVIII векам, и наша нынешняя попытка перехода к рациональному рынку, конечно, имеют весьма мало прямых параллелей. Сейчас, в конце века, практически весь мир охвачен развитыми капиталистическими отношениями, поэтому наша задача состоит, конечно, не в том, чтобы изобретать их заново, а как можно быстрее и безболезненнее вписаться в них. С другой стороны, наша исходная стартовая позиция не феодализм, как это было бы, если бы развитие шло нормально, а разлагающаяся административно-командная система. Эти характерные черты нашего перехода к рынку, очевидно могут в каких-то моментах облегчать его, а в каких-то значительно затруднять. Кроме того, несмотря на обрыв нитей культурного развития после 1917 г., отрезавший нас от русской дореволюционной культуры, вращавшейся вокруг православия как своего основного стержня, историческое духовное наследие России должно быть принято во внимание.

С учетом этих замечаний становится ясным, что процесс возникновения капиталистического духа так, как он происходил на Западе, ни в коей мере не может быть воспроизведен у нас, в совершенно специфических условиях нашей страны. Западный образец может быть рассмотрен только в качестве некоторой модели абстрактного характера, поучительной тем, что дает картину возникновения духа аскетического рационализма как бы в чистом виде.

Обратим внимание на констатацию очень простого факта, внешне, казалось бы, не имеющего никакого отношения к обсуждаемой проблеме. Наблюдатели, посещавшие страны Запада и особенно США, обращают внимание на одну особенность: здесь очень много разнообразных добровольных объединений, обществ замкнутого характера. Различные гольф- и теннис-клубы, клубы для юношей, атлетические клубы, общества любителей античности, студенческие клубы и др. можно встретить как в крупных, так и в малых городах США. Этот феномен не столь уж второстепенен для жизни страны в ее политических и экономических аспектах. М. Вебер, обративший на него внимание еще в начале XX века, отмечает, что «признаком специфически американской демократии было то, что она являла собой не хаотическое скопление индивидов, а совокупность хотя и замкнутых, но волонтаристических (добровольных. — В.Ш.) союзов» [5].

Две особенности подобных союзов имеют принципиальное значение. **Во-первых**, объединение в них происходит не по поводу бизнеса, не по поводу политики (иначе это были бы политические партии), а по поводу вещей весьма далеких как от бизнеса, так и от политики — досуга, культуры, спортивно-физкультурных занятий. **Во-вторых**, в них строго соблюдается принцип добровольности. Причем каждый вновь вступивший

проходит баллотировку, которой предшествует тщательная проверка кандидата. Эта проверка касается, если говорить нашими словами, прежде всего не деловых, а человеческих качеств кандидата — его добропорядочности, честности, воспитанности.

Сам факт принадлежности к такому замкнутому сообществу служит своеобразной аттестацией, удостоверяющей проверенность репутации индивида. Косвенно он свидетельствует о том, что индивид в данной среде не временный элемент, а намерен обосноваться прочно. Сообщество осуществляет ненавязчивый, но жесткий контроль за морально-нравственным обликом и поведением своих членов. Такой контроль тем более эффективен с учетом первой из названных особенностей — объединение осуществляется не по поводу бизнеса или политики, а по поводу внеделовых интересов. Члены сообщества, находясь в его рамках, как таковые не являются соперниками, конкурентами. Свидетельство сообщества, объединенного не по профессионально-деловому признаку, тем или иным образом аттестующего своего члена, является более авторитетным, чем аттестация со стороны его коллег по работе или начальства по службе. В последних случаях, в силу сложности деловых отношений, наличия неизбежного желания каждого подняться выше по служебной лестнице и порождаемой им зависти, на характеристике будут сказываться связанные с этим факторы. Избежать их влияния можно посредством аттестации со стороны добровольного объединения по интересам.

Вот здесь и прорастает связь между наличием множества замкнутых добровольных сообществ и рациональным рынком. Сообщества выступают тем фактором, который обеспечивает необходимую духовную атмосферу для бизнеса — атмосферу элементарного доверия, без которой невозможны ни кредит, ни какие-либо другие деловые отношения. Конечно, в конце XX века массовые коммуникации с их возможностями поставки всесторонней информации о потенциальных партнерах потеснили добровольные сообщества, но не исчерпали их возможностей полностью.

Современное положение наполненности общества светскими объединениями и клубами в большой степени является **продуктом секуляризации** добровольных религиозных объединений — **сект**. Именно последние явились прототипом светских объединений. Кроме того, в свое время секты, а именно протестантские, немало способствовали возникновению духа капитализма. В сектах объединялись, разумеется, соратники по вере, а не по делу, т.е. соблюдался принцип, свойственный добровольным культурно-досуговым объединениям более позднего периода. В протестантских же сектах к тому же складывался особый дух, обусловленный спецификой религиозного вероучения протестантизма.

Религиозная догматика занята по преимуществу собственными проблемами. Она не может в силу своей природы выступать в пропагандистской роли. Но в этом как раз и состоит ее преимущество с рассматриваемой точки зрения: взгляды верующих на мирские проблемы и их поведение религией не навязываются. Они остаются продуктом собственного выбора индивидов. Главное, что обеспечивается вероучением, это определенная **психологическая мотивировка** жизненного поведения. Обретение решимости что-либо совершить и тем более — исполнить свое жизненное предназначение, — всегда связано с тем, что Кьеркегор называл «мужеством веры». Специфика вероучения протестантизма, прежде всего, кальвинизма и связанных с ним сект, по Веберу, обеспечивала психологическую мотивировку, адекватную духу капитализма. Косвенно это может подтвердить и тот факт, что страны, где дух аскетического рационализма утвердился в первую очередь — это страны по преимуществу протестантские. В то время как там, где традиционный католицизм господствовал безраздельно (Италия, Испания, Латинская Америка), становление рационального рынка происходило медленнее и с гораздо большими трудностями (в том числе, разумеется, и по целому ряду иных причин). О православии в его отношении к духу аскетического рационализма стоит сказать особо, что будет сделано ниже.

Главным аргументом в пользу соответствия духа рационального рынка и вероучения протестантских сект является, конечно, этическое содержание учения. Его обобщающий мотив состоит в преодолении разрыва между мирской деятельностью и религиозной. Этот разрыв, в известной мере, свойственный христианству вообще, нередко приводил к проповеди отрешенности от мира, осуждению всякого бытоустройства и отрицательному отношению к социальной деятельности: профессиональной, политической и т.п., что рассматривалось как нечто совершенно третьестепенное, не имеющее отношения к спасению, как «суета сует». В протестантизме социальная и профессиональная деятельность столь же угодна Богу, как и молитва. Рациональное преобразование общества и космоса в целом выступает безусловным религиозным долгом верующего, ибо космос по библейскому откровению и по самой природе вещей, очевидно, предназначен для того, чтобы идти на пользу роду человеческому.

В этике протестантизма осуществлен значительный переворот, если сравнивать ее с предшествующей христианской этикой, прежде всего католической. Протестантская этика как нельзя лучше соответствовала этосу буржуазного предпринимательства и рациональной организации труда. Конечно, перед нами здесь исторический аспект проблемы, ибо речь идет о том, как исторически утверждался дух капитализма в Западной Европе и Северной Америке. Описанные процессы имели место в XVII-XVIII веках и связаны с ролью кальвинизма, пиетизма, методизма и других направлений. По ряду совершенно понятных причин, сегодняшнее состояние в отношении факторов, способных создавать и воспроизводить дух аскетического рационализма радикально отличается от природы первичного зарождения этого Духа. Современное западное общество порождает необходимый дух в том числе и без специального обращения к религии.

Вместе с тем, наблюдая за поведением, манерами и образом мысли сегодняшних западных предпринимателей, особенно из числа потомственных, сегодняшних западных политиков, мы должны помнить, что где-то в глубинах их сознания лежит тот неизгладимый след, который оставила в них аскетическая этика протестантизма. Мы должны помнить, что дух аскетического рационализма явился продуктом сложнейших процессов религиозно-культурного и шире — социокультурного характера. В этом выводе и состоит один из уроков, который может быть полезен для нас. Его можно свести, в частности, к трем основным моментам.

Во-первых, к констатации обязательного наличия замкнутых добровольных объединений непрофессионального характера. Вообще говоря, свободный рынок всегда предполагает клановое устройство общества; одиночка, оставшийся вне клана, обречен быть аутсайдером. Можно сказать, что каково качество кланов (замкнутых добровольных союзов), таково и качество общества. Рациональное рыночное хозяйство требует особого качества клановости, особого ее духа. Таким образом, во-вторых, важнейшим является складывание через посредство культуры соответствующей этической системы, определяющей жизненное поведение, хотя бы относительно небольшой части населения. Как принято говорить в подобных случаях, важна «закваска». В-третьих, если даже допустить, что рациональное предпринимательство является универсальной техникой, нейтральной в историко-культурном и религиозно-нравственном отношении, то психологическая мотивировка к нему такой нейтральностью не обладает: она существенно определяется особенностями культуры и религиозно-нравственных традиций. Иначе говоря, если технике современного предпринимательства в принципе можно научить каждого, то формирование внутренней мотивировки — процесс гораздо более сложный и глубинный. Он требует особых предпосылок, лежащих в культуре данного общества, его религиозно-нравственных традициях. Кстати, без соответствующей мотивировки, а значит, без опоры на традиции данного общества, сама техника неизбежно будет «хромать», а усвоение ее окажется сопряженным со многими трудностями.

Русская духовная культура в ее отношении к духу аскетического рационализма

Одна из особенностей нашего перехода к рациональному рыночному хозяйству состоит, в частности, в том, что соответствующий ему дух в современных условиях может быть «импортирован» в готовом виде оттуда, где он уже завоевал прочные позиции — из стран Запада. Однако, как ясно из предыдущего, возможности такого пути принципиально ограничены. Единственное, на что можно в этом случае рассчитывать — на культуртреггерство, на пропаганду духа аскетического рационализма, которая, как и всякая пропаганда, способна затронуть лишь поверхностные слои сознания, а не проникнуть вглубь, туда, где лежат механизмы мотивировки поведения. Но работой по пропаганде все же не следует пренебрегать. Приходится лишь с сожалением констатировать, что сегодняшнее содержание пропаганды, ведущейся большинством средств массовой информации, столь же далеко от духа аскетического рационализма, как и направленность прежней — если не в большей степени. Активно насаждается псевдокапиталистический дух — дух перераспределения. Дух капитализма, как он здесь понимается, т.е. дух аскетического рационализма, ориентирован на создание новых материальных ценностей и их внедрение, на расширение рынка товаров и услуг, в то время как псевдокапиталистический дух ориентирован на стяжательство — перераспределение уже имеющегося, наличного. Не нужно специально доказывать, что хаотическое стяжательское перераспределение ничем не лучше прежнего планового, а в социальном, политическом и экономическом смыслах гораздо опаснее.

В числе прочего, исключительный акцент на импортируемые образцы имел бы и тот негативный эффект, что неизбежно задевал бы национальное самолюбие населяющих Россию народов. Мотив к рациональной предпринимательской деятельности у коренного населения оказался бы в результате значительно погашен. Разгул же стяжательства и тесно связанных с ним духов злости и зависти пришлось бы вновь и вновь укрощать с помощью жестоких полицейских мер. Кроме того, этот путь означал бы не что иное как покорную обреченность на заимствование и подражание, на заведомое и бесперспективное «догоняние», на отсталость. Впрочем, не скрываются ли за сегодняшними, столь распространенными упреками в адрес предков, за бесконечными сетованиями о мнимой неполноценности российской истории всего лишь наша собственные немочь и неспособность?! История — не прямая линия, однозначно ведущая из прошлого в настоящее: в ней всегда содержится множество вариантов, в том числе не раскрывшихся полностью и в свое время. Лишь от наших духовных усилий зависит, какую линию предпочесть, какой вариант вольно избрать своим.

В числе образцов дооктябрьского российского предпринимательства легко обнаруживаются и такие, которые вполне соответствуют духу аскетического рационализма, сформировавшегося однако на иных, по сравнению с западными, основаниях. В частности, К. Леонтьев ещё в конце XIX века подметил образцы аскетически-рационального поведения на базе моральной традиции старообрядчества. Леонтьев между прочим замечает, что «быть может, мне бы возразил кто-нибудь, что русские (и особенно настоящие Москали) именно вследствие того, что они разгульны и слишком расположены быть Питерщиками, мало расположены к капитализации, а капитализация нужна» [6]. Автор отвергает эти возражения, приводя ряд типов русских предпринимателей. Один из них таков: «В Тульче живет и теперь один старообрядец Филип Наумов. Он грамоты не знает; умеет писать только цифры для своих счетов. Он не только сам не курит и не пьет чая и носит рубашку навыпуск, но до того тверд в своем уставе, что бывая часто в трактирах и кофейнях для угощения людей разных вер и наций, заключающих с ним торговые сделки, он угощая их, не прикасается сам ни к чему. Даже вина и водки, которые старообрядством не преследуются, он никогда не пьет. Он имеет несколько сот тысяч пиастров капитала

в постоянном обороте, несколько домов, из них один большой на берегу Дуная отдается постоянно внаем людям со средствами... Он очень честен и, несмотря на суровость своего религиозного удаления от иноверцев, слывет добрым человеком. По многим сделкам своим он расписок не дает; постояльцы, когда платят ему за дом, не требуют с него расписки в получении; ему верят и так. Сверх всего этого он один из первых в Тульче (где столько предприимчивых разноплеменных людей) задумал выписать из Англии паровую машину для большой мукомольной мельницы, и, вероятно, богатство его после этого утроится, если дело это кончится успешно» [7].

Конечно, если бы речь шла об отдельных примерах, то их не стоило бы упоминать. Однако известно, что целая когорта русских предпринимателей, таких как Третьяковы, Мамонтовы, Морозовы и др. выросли в старообрядческих семьях, что и позволяет говорить об особом феномене, взрастившем дух аскетического рационализма на старообрядческой почве. Более серьезный вопрос состоит в другом — насколько прежние традиции сохранились до наших дней и каковы реальные возможности их возрождения? Целесообразно, видимо, исходить из того, что моральная традиция, связанная с тем или иным вероучением и, соответственно, психологическая мотивация могут сохраняться и там, где видимая религиозность утрачена или даже испытала длительные гонения. Об этом говорит, в частности, опыт протестантской традиции (о которой речь шла выше), продолжающей оказывать и сегодня свое воздействие, несмотря на то, что видимая религиозность в странах Запада ныне не столь уж велика. Поэтому нельзя исключить того, что и русская православная традиция не умерла, а лишь ушла вглубь, отчасти существуя вне религиозных форм, но сохраняя присущую ей мотивировку жизненного поведения. Тогда остается вопрос о том, насколько данная мотивировка соответствует духу аскетического рационализма. Ответ на него мог бы стать темой отдельного исследования. Поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями.

Прежде всего относительно возможных подозрений в кажущейся мироотреченности православия. Если таковая действительно характерна для него, то этика православия, конечно, не могла бы стать основой духа аскетического рационализма ни в какой его форме. Однако, как отмечает С. Булгаков, «упрек в мироотреченности православия должен быть отстранен. Он может быть применением, самое большее, к одному лишь из исторических ликов православия, определившемуся под односторонним и чрезмерным влиянием восточного монашества с дуалистическим и псевдоэсхатологическим пессимизмом в отношении к миру» [8]. Ту же мысль находим в книге епископа Феофана: «Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и обществ, суть Богом определенные дела, и исполнение их не есть отбегание в область не богоугодную, а есть хождение в делах Божеских» [9]. По авторитетному свидетельству С. Булгакова, в православии не отвергается социальная и профессиональная деятельность, а «устанавливается особый образ **аскетического** приятия этого мира и его жизни, аскетического труда и творчества в нем» [10]. Верности своему земному призванию, т.е. профессии, уделяется особое внимание: «Единственный способ обрести радость, мудрость и мир — это быть верным собственной личности, как неповторимому творению Божьему, зная, что каждый человек обладает своей особой и единственной жизнью, своей особой жизненной задачей, которую никто кроме него не может исполнить» [11].

Существуют и прямые указания на сходство православной и протестантской этики. Тот же Булгаков отмечает, что «Протестантская идея о спасении действенной верой стоит ближе к Православию, нежели католическое *meritum*» [12]. Однако мотивировки жизненного поведения все же различны. В отличие от протестантского, который принято характеризовать как индивидуалистический, основной мотив, характерный для православной этики, можно, видимо, обозначить термином «персоналистический». В нем та же установка на индивидуальное спасение, т.е. на оправдание жизни через непрестанные личные усилия и исполнение профессионального долга. Однако отсутствует идея избранности к спасению, придающая протестантизму известный

индивидуалистический характер. Персонализм поэтому не содержит противопоставления собственной личности другим, более мягок и «внимателен» по отношению к другим людям. Он ориентирует на заботу не только о личном достоинстве, но и о жизни и достоинстве другого даже в том случае, если последний не проявляет ее самостоятельно. Мотивы, характерные для православного персонализма, можно легко обнаружить во всей русской культуре, особенно в литературе и философии [13].

Таким образом, своеобразие русского духа аскетического рационализма следует связывать с персоналистической мотивировкой. Насколько такой дух жизнеспособен, покажут только опыт и время, впрочем, как и наличие или отсутствие благоприятных социальных и политических условий. Вполне ясно однако то, что русская духовная культура резко противостоит духу перераспределения, духу алчности. Она освобождает человека от низменных инстинктов зависти и злобы. Поэтому опора на нее способна существенно оздоровить духовно-нравственную атмосферу общества, что, как выясняется, имеет непосредственное значение для духа подлинного предпринимательства, для выработки устойчивой и работоспособной личности, держащейся на собственных ногах, а не на волне общественной истерии.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Там же. С. 75.
3. См.: Котлер Ф. Основы маркетинга, М.: Прогресс, 1990. С. 56.
4. См.: Вебер М. Указ. соч. С. 90—91.
5. Там же. С. 280.
6. Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992. С. 393.
7. Там же. С. 394—395.
8. Булгаков С. Православие. М.: Терра, 1991. С. 325.
9. Что есть духовная жизнь и как к ней настроиться. Письма епископа Феофана. Л., 1991. С. 179.
10. Булгаков С. Указ. соч. С. 327.
11. Прот. Фома Хопко. Основы православия. Минск, 1991. С. 259.
12. Булгаков С. Указ. соч. С. 238.
13. См.: Шаповалов В. Ф. О перспективах консервативной партийной политики в России // Социол. исслед. 1993. № 4.